

## К ЮБИЛЕЮ Л.Н. ТОЛСТОГО

УДК 882(929)

### СЛУЧАЙ КАК СТРУКТУРООБРАЗУЮЩЕЕ НАЧАЛО В РОМАНЕ Л.Н. ТОЛСТОГО «АННА КАРЕНИНА»

*А.М. Саяпова, А.И. Закиров*

*Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, 420008, Россия*

#### Аннотация

В статье рассматривается то, как *случай*, становясь событием в жизни героев романа Л.Н. Толстого «Анна Каренина», определяет содержание и формирует структуру произведения, его сюжет, ситуации и коллизии. Через это понятие на языке художественной философии Толстой выказывает дедуктивные рассуждения о человеческой жизни, передающие и объясняющие все явления в ней. Случай у Толстого категория не только эстетическая, но прежде всего философская – способ объяснения мира, поскольку раскрывает не только героя, его поведение в тех или иных ситуациях. Художественная структура романа, со всем её событийным рядом, обуславливается «мыслью семейной». Текстуальный анализ случая как структурообразующего начала позволяет показать как общую философскую мысль романа с «мыслью семейной», так и художественное её выражение. Ситуации случайных встреч в одной сюжетной линии (*Анна – Вронский*) представляют разрушение традиционных понятий о любви, семье, в другой (*Левин – Кити*) – исконные национальные представления о человеческих ценностях.

**Ключевые слова:** Л.Н. Толстой, роман «Анна Каренина», понятие «случай», структура произведения

---

Прежде чем приступить к рассмотрению понятия «случай» в рамках произведения Л.Н. Толстого «Анна Каренина», необходимо сказать о том, что значит это слово в науке вообще, в философии в частности, поскольку художественное произведение, гениальное в первую очередь, как и особая форма общественного сознания и познания мира, отражает поиск истин человеческого существования.

Представление о судьбе (наряду с воззрением о случае) находит широкое отражение в дискурсе как мифическом, так и литературном. Г.М. Темненко справедливо утверждает, что у большинства народов «оно не только руководит способами объяснения мира, но и играет структурообразующую роль в формировании поведенческих моделей» [1, с. 148].

Архетипическое сознание лежит в основе философской мысли о закономерности и случайности в человеческом мире, что были изучены в математике, которая, как и любая наука, опирается на явления действительности. Так,

предмет теории вероятностей – случайность, как будто бы не поддающаяся предсказанию, однако противоречие здесь только кажущееся. Именно благодаря этому разделу математики возникло два философских понятия: *закономерное событие* и *случайное событие*. «Закономерное событие – это событие, которое всегда осуществляется, как только создаются определённые условия, – пишет Б.А. Севастьянов. – Закономерное явление – это система закономерных событий. <...> Но наряду с закономерными мы всё время сталкиваемся в практической деятельности с событиями незакономерными или, иначе, случайными. Это события, которые при одних и тех же условиях иногда происходят, а иногда – нет» [2, с. 10]. Однако и случайные события подчиняются некоторым закономерностям, которые принято называть вероятностными.

Если взять роман Л.Н. Толстого «Анна Каренина», то почти всё происходящее в жизни героев при желании объяснить и понять оказывается в поле известных науке «вероятностных закономерностей», представляя модели поведения человека в так называемых случайных событиях.

В рамках данной статьи мы рассмотрим, как случай, становясь событием в художественном произведении, определяет его содержание и формирует структуру, сюжет, ситуации и коллизии. Следует сказать, что суждения Толстого о случайных событиях в жизни человека в конечном итоге носят характер общих утверждений. Через понятие «случай» на языке художественной философии писатель представляет дедуктивные умозаключения о земном существовании, предпринимая попытку показать и растолковать все свойственные ему явления. Отсюда многие делаемые Львом Николаевичем предсказания и предупреждения. Таким образом, случай у Толстого категория не только эстетическая, но прежде всего философская, поскольку позволяет пролить свет не только на героя романа, его поведение в тех или иных ситуациях, становясь своеобразным способом объяснения мира.

В наших рассуждениях о случае как структурообразующем начале предметом внимания, безусловно, должны стать события, о которых рассказывается в названном романе Л.Н. Толстого, так как по законам теории литературы именно событийной полнотой<sup>1</sup> определяется структура художественного текста [3, с. 173]. Говорить о событиях произведения – значит говорить о судьбах героев, их жизненных ориентирах, поступках. Случай в событиях произведений Толстого, как известно, часто становится сквозным мотивом. В «Анне Карениной» (1873–1877), как и ранее в «Войне и мире» (1863–1869), автора занимает проблема судьбы, связанная с событиями, не зависящими от человека. Причём именно случай в контексте судьбы у Толстого определяет события жизни героя; более того, формируя поведенческую модель последнего в тех или иных ситуациях, случай структурообразует произведение как событийную полноту.

Рассуждая о сути художественного творчества, М. Хайдеггер, как отмечает Г.-Г. Гадамер, мыслил событие в его конечном выражении: «Творение искусства не просто раскрывает перед нами истину, оно само есть событие» [4, с. 128].

---

<sup>1</sup> Предполагает, во-первых, события как предмет изображения, осмысления и сопереживания, а во-вторых, события рассказывания.

По Хайдеггеру, литературное произведение, раскрывающее истину бытия, воспринимается как позволяющее «не заблуждаться, но обрести правильное представление о сущем, каково оно на самом деле» [4, с. 128]. Таким образом, можно с уверенностью сказать, что многие произведения Л.Н. Толстого, «Анна Каренина» в том числе, становятся *событием* в воспринимающем сознании, дающем человеку представление о жизни, какова она есть. Следовательно, по этой же причине случай в изображаемых Толстым историях – единица не только художественная, но и философская, поскольку рассуждения писателя об отношении человека и судьбы, идущих в тесном переплетении с тем, что называется *случаем*, раскрывают перед читателем истину бытия.

На протяжении всего взятого нами для анализа романа Л.Н. Толстой как бы фиксирует *случайные события*. Они становятся фокусными точками сюжетных линий, создают ситуации, коллизии, которые ведут героев к тем или иным поступкам. Причём весьма важно подчеркнуть, что этот процесс закрепления случайных событий с последующими событиями в жизни героев порождает у Толстого следующую мысль: случайное каким-то роковым образом влияет на судьбу человека. Так, например, встреча Анны с Вронским – случайное событие, равно причина того, к чему оно привело; мыслится как нарушение некоего изначального порядка русской жизни. Данное суждение представляет историческое зерно сюжетного повествования о любви Анны и Вронского, то есть истину бытия времени «постава» (Хайдеггер), когда разрушается исконное, когда день сегодняшний требует каких-то новых форм существования. Понятие «случай» в сюжетной линии «Анна – Вронский», определяя конкретное в жизни русского общества последней трети XIX в., актуализируя индивидуальное в каждом, придавало этому частному, случайному уровень всеобщности. Этот роман стал для читателя эпохи самого автора носителем онтологического откровения, отчего и пугал многих.

Л.Н. Толстой как приверженец незапамятных, стародавних жизненных устоев ведёт в своём романе ещё одну любовную линию (Левин – Кити), в рамках которой встреча как случайное событие создаёт ситуацию с таким решением коллизии, когда герои совершают решительные поступки, отвечающие традиционным представлениям о любви и семье.

На примере нескольких текстовых фрагментов рассмотрим, как случай формирует фокусные сюжетные точки произведения, обозначив некую закономерность, приводящую к осознанию того, что событийный ряд, связанный с тем или иным героем романа, у Толстого начинается с такового. Именно случай, становясь реальной, необратимой причиной события, создаёт ситуацию с коллизией, определяющей поступок героя в дальнейшем событии. В конечном итоге случайными событиями объясняются все коллизии в сюжетных линиях романа, причём герои находятся в полной зависимости, казалось бы, от случайно образовавшихся жизненных ситуаций.

Обратимся к первой (случайной!) встрече Анны с Вронским. Мотив встречи является традиционным в художественных текстах, когда автору нужно вести повествование о любви двух сердец. Вспомним пушкинский роман в стихах (П.), «Собор Парижской Богоматери» В. Гюго (Г.) и т. д. Закономерно следующим определением мотива встречи у Толстого становится случай. В нём главная

отправная мысль автора. Как уже было сказано нами выше, в ситуации, случайно образовавшейся, создаётся коллизия, которая становится причиной всех дальнейших поступков героев, нарушающих исконный порядок жизни. Основание – мгновенно вспыхнувшая борьба между двумя взаимоисключающими эмоциональными порывами, между чувством и долгом. Толстой пишет: «В этом коротком взгляде [Анны] Вронский успел заметить сдержанную оживлённость, которая играла в её лице...» (Л.Т., с. 79). Словосочетание «сдержанная оживлённость» выражает состояние души женщины, ещё не любившей. Между тем желание этого – потребность живой природной сути её натуры. Данное определение говорит о чувствах неопределённых, вне привязки к кому-то, ещё не востребованных. Далее, развивая содержание этой «сдержанной оживлённости», автор пишет: «Как будто *избыток чего-то* так переполнял её существо, что *мимо её воли* выражался то в блеске взгляда, то в улыбке»<sup>2</sup> (Л.Т., с. 79). Тем самым Толстой выказывает обострение ситуации случайной встречи Анны с Вронским, возникшей из-за борьбы между тем, что переполняло её существо, и тем, что диктовалось волей (Анна – замужняя женщина).

Следует подчеркнуть, что уже с первой встречи двух героев, Анны и Вронского, создаётся ситуация, с которой начинается не только сюжетная линия «Анна – Вронский», но и общая коллизия романа о любви, «вспышку» которого содержит следующая фраза: «Она потушила умышленно *свет в глазах*, но он светился *против её воли* в чуть заметной улыбке» (Л.Т., с. 79). Коллизия обозначенного нами случайного события ведёт героев к поступкам, причина которых кроется в конфликте между долгом и чувством, рассудком и душой. Он, будучи сутью показанной случайной встречи, определяет отношения Анны с Вронским на протяжении всего романа.

Возникшее внезапно в рассмотренной ситуации обуславливает все дальнейшие шаги Анны в направлении к Вронскому, с одной стороны, и к Каренину – с другой, как борьбу: поступки героини в событиях романа объясняются состоянием своеобразного душевного колебания между долгом и чувством, желание победить в себе голос натуры в каждом случае любовной ситуации терпит поражение. Об этом Толстой сказал в сцене первой (случайной!) встречи Анны с Вронским: *свет в глазах светился против её воли*. Таким образом, одна из первых характеристик становится ключевой в толковании автором жизненного выбора героини. Вместе с тем он показывает, что в странном любовном треугольнике победу одерживают то невольные чувства Анны, то желание быть верной долгу (например, мысли и чувства *в пограничной ситуации* родов).

В контексте этой мысли рассмотрим несколько эпизодов романа, где Толстой показывает свою героиню в событиях, в рамках которых борьба между чувством и долгом, становясь коллизией создавшейся ситуации, определяет последующие решения Анны.

Начнём с того, что во второй встрече Анны с Вронским (для героини она снова случайная!) налицо как колебания, так и поразительное, на первый взгляд, равновесие двух чувств, объясняемых долгом и натурой. Толстой пишет: «...Странное чувство *удовольствия и вместе страха* чего-то вдруг шевельнулось

---

<sup>2</sup> Здесь и далее курсив наш. – А.С., А.З.

у неё в сердце» (Л.Т., с. 92). Однако коллизия первого события (свет в глазах, который светился против её воли), воспринимаемая нами как коллизия всего романа о судьбе Анны, содержит ключевое определение отношений героев в любовном треугольнике, говорящее о том, что такое состояние колебания/равновесия опасно, разрушительно для души и рассудка Анны. Об этом она знала, но «каждый раз, как являлась ей мысль о том, что она сделала, и что с ней будет, и что она должна сделать, на неё находил ужас и она отгоняла от себя эти мысли» (Л.Т., с. 161). Сон Анны как голос подсознания, в котором «её положение представлялось ей во всей безобразной наготе своей» (Л.Т., с. 161), говорит об этом. «Ей снилось, что оба вместе были её мужья, что оба расточали ей свои ласки» (Л.Т., с. 161).

У Толстого эта борьба между долгом и чувством определяется как битва-спор между тем, что должно быть, и тем, что называется дурным. По нашим наблюдениям, лексема «дурно» в описании отношений «Анна – Вронский» является самой частотной. Во второй встрече – взглядами (у Толстого, как известно, глаза – выразитель души человека) – нет ещё этого слова. В эпизоде неожиданного заезда Вронского к Степану Аркадьичу «в половине десятого узнать подробности затеянного обеда» (того, на котором произойдёт уже близкое знакомство Анны с Вронским) Толстой, характеризуя душевное состояние героини в тот момент, когда она, «взглянув вниз, узнала тотчас же Вронского», а «он поднял глаза, увидел её», пишет: «Более всех странно и нехорошо это показалось Анне» (Л.Т., с. 92–93). Здесь пока отсутствует самоанализ героини, лишь рефлексия ощущений.

Однако уже в главе XXX части первой, где описывается следующая, третья (вновь случайная) встреча Анны с Вронским в вагоне поезда, в то время как «страшная буря рвалась и свистела» (Л.Т., с. 117), в уста героини автор вкладывает оценку ситуации: «Это *дурно*, что вы говорите, и я прошу вас, если вы хороший человек, забудьте, что вы сказали, как и я забуду» (Л.Т., с. 117). Но весь ужас положения Анны в том, что «он сказал то самое, чего желала её душа, но чего она боялась рассудком» (Л.Т., с. 117). В основе любовной коллизии, таким образом, оказывается борьба, которую Вронский видел на лице Анны (Л.Т., с. 117), то есть сила натуры показывается доминирующей.

Диалог с Вронским в гостиной княгини Бетси усиливает в душе Анны противоборство двух начал. Заметим, что эта встреча в известном смысле тоже случайная: «Там она встречала Вронского и испытывала волнующую радость при этих встречах» (Л.Т., с. 140). Слово «дурно» здесь присутствует в определении складывающихся отношений самой Анной: «Да, я хотела сказать вам, – сказала она, не глядя на него. – Вы *дурно* поступили, *дурно*, очень *дурно*» (Л.Т., с. 150). Ответ Вронского, в котором очевиден мужской эгоизм, выражает суть отношений между мужчиной и женщиной вообще: «Разве я не знаю, что я *дурно* поступил? Но кто причиной, что я так поступил?» (Л.Т., с. 150). Коллизия в создавшейся ситуации вновь происходит по причине доминирования в душе Анны чувств над долгом: «Она все силы ума своего напрягла на то, чтобы сказать то, что *должно*; но вместо того она остановила на нём свой взгляд, полный *любви*, и ничего не ответила» (Л.Т., с. 151).

Начиная с части четвёртой Л.Н. Толстой ведёт повествование о странной жизни троих – Карениных, мужа и жены, да Вронского, который «никогда не бывал в доме Алексея Александровича, но Анна видела его вне дома, и муж знал это» (Л.Т., с. 348). Причём автор даёт ключевое определение их бытования: «*Положение было мучительно для всех троих*, и ни один из них не в силах был бы прожить и одного дня в этом положении, если бы не ожидал, что оно изменится и что это только временное горестное затруднение, которое пройдёт» (Л.Т., с. 348). Однако ничего не менялось, напротив, в силу ряда объективных и субъективных обстоятельств только усложнялось.

Каждый ставил вопрос «Что делать?» и не находил ответа на него. С главы XIX части четвёртой появляются, на первый взгляд, нехарактерные для реалистического романа мистические дефиниции: «властная сила» (Л.Т., с. 409), «грубая сила» (Л.Т., с. 413), «могущество той грубой таинственной силы» (Л.Т., с. 415), «могущественная грубая сила» (Л.Т., с. 421) и, наконец, «действие высшей силы» (Л.Т., с. 494). Они произносятся Алексеем Александровичем, которого, как никого другого, волновала судьба семьи, в том числе Анны. Он понимал, что всё происходящее в его доме «дурно», но никак не мог уловить причины.

Упомянутая выше *пограничная ситуация* родов Анны содержит коллизию ввиду резких потрясений в душе не только героини, но и её мужа. Однако, если у Анны происходит временный перелом в пользу нравственного долга («Открой лицо, смотри на него. Он святой, – сказала она» (Л.Т., с. 404)), то во внутреннем «я» Алексея Александровича одерживает победу сердце. На сложившуюся ситуацию он вдруг стал смотреть глазами истинного христианина. В диалоге с Вронским у кровати умирающей жены он произносит: «И счастье прощенья открыло мне мою обязанность. Я простил совершенно» (Л.Т., с. 405). Обманутый муж, «представлявшийся до сих пор жалким существом», вдруг стал гораздо выше Вронского, будучи «великодушен и в своём горе» (Л.Т., с. 405). Толстой пишет: «Он не понимал чувства Алексея Александровича, но чувствовал, что это было что-то высшее и даже недоступное ему в его мировоззрении» (Л.Т., с. 405).

Пробудившие сердце Алексея Александровича роды стали пограничными и для Вронского, который переоценил не только отношения с Анной, но и всю свою жизнь: «Он чувствовал себя пристыженным, униженным, виноватым и лишённым возможности смыть своё унижение. Он чувствовал себя выбитым из той колеи, по которой он так гордо и легко шёл до сих пор» (Л.Т., с. 405).

Глава XIX части четвёртой начинается со слова «ошибка». С него автор ведёт комментирование ситуации, ставшей серьёзнейшим потрясением для троих – Анны, Алексея Александровича и Вронского. Ошибка, допущенная Карениным, «представилась ему во всей своей силе» через два месяца после его возвращения из Москвы, и состояла она в следующем: он не учёл «той *случайности*», что раскаяние Анны «будет искренно» (Л.Т., с. 408). Алексей Александрович вдруг осознал, что последнего могло не быть, если бы не обстоятельства. Тому доказательство – первая встреча Анны с Вронским после родовой горячки (Л.Т., с. 423). Вместе с тем Толстой говорит и о другой стороне: «Но ошибка, сделанная им, произошла не оттого только, что он не обдумал этой

случайности, а оттого тоже, что он до этого дня свидания с умирающею женой не знал своего сердца» (Л.Т., с. 408).

Данный эпизод с ошибкой Алексея Александровича сообщает: коллизия пограничной ситуации родов не вывела Анну из состояния колебания между долгом и чувством, осложнив только отношения с Вронским. В конечном итоге обострились ощущения героини, стали очевидными недовольства собой и Вронским, что и привело Анну к трагическому финалу.

В анализируемом произведении Толстого, как мы уже говорили выше, имеется ещё одна любовная сюжетная линия «Левин – Кити», которая даётся в контексте нравственно-этических ценностей самого автора, выступающего в романе защитником традиционных представлений о любви и семейных узах. Она выстроена по принципу зеркального отражения сюжетной линии «Анна – Вронский».

В отношениях между Левиным и Кити можно выделить два периода: первый характеризуется увлечением Кити Вронским и, соответственно, отказом Левину, второй – выбором Константина Дмитриевича самым сердцем девушки. Так, случайная встреча на дороге решает судьбы героев:

Пожимаясь от холода, Левин быстро шёл, глядя на землю. «Это что? Кто-то едет», – подумал он, услышав бубенцы, и поднял голову. В сорока шагах от него, ему навстречу, по большой дороге-муравке, по которой он шёл, ехала четверней карета с важами. <...>

Только это заметил Левин и, не думая о том, кто это может ехать, рассеянно взглянул в карету.

В карете дремала в углу старушка, а у окна, видимо только что проснувшись, сидела молодая девушка, держась обеими руками за ленточки белого чепчика. <...>

Она узнала его, и удивлённая радость осветила её лицо.

Он не мог ошибиться. Только одни на свете были эти глаза. Только одно было на свете существо, способное сосредоточивать для него весь свет и смысл жизни. Это была она. Это была Кити (Л.Т., с. 277–278).

В приведённом фрагменте явственно представление автором события в диаметрально противоположном свете встрече Анны с Вронским. Бесспорно, несложно и там, и здесь заметить «глаза» у Толстого. Однако, если во взгляде Анны было «*что-то* чуждое, бесовское и прелестное» (чего она сама боялась, а Кити сердцем чувствовала) (Л.Т., с. 99), то Левин во взоре Кити видит «весь свет и смысл жизни» (Л.Т., с. 278).

Принципиально важными в мотивах двух сюжетных линий являются хронотопы. Встречи в их времени-пространстве в обоих случаях содержат образ дороги: с одной стороны, *железная дорога* – явление времени «поставы» (Хайдегер), урбанизации и цивилизации, которые, по глубокому убеждению Толстого, ведут к полной деградации внутреннего содержания человеческого «я», с другой – *большая дорога-муравка* как исток «живой жизни» (Вересаев). Здесь все ключевые характеристики случайных событий (встреч), создающих ситуации с такими решениями любовных коллизий, которые ведут героев к поступкам таким, как разрушение традиционных понятий о любви и семье в одном случае

(*Анна – Вронский*), идеализация исконных национальных представлений о человеческих ценностях в другой (*Левин – Кити*).

В заключение можно сказать, что роман «Анна Каренина», со всем его событийным рядом, определяет «мысль семейная» (см. [5]). Текстуальное же рассмотрение понятия «случай» как структурообразующего начала позволяет передать как общую философскую мысль романа с «мыслью семейной», так и художественное её выражение.

#### Источники

- Л.Т. – *Толстой Л.Н.* Анна Каренина. – М.: Худож. лит., 1976. – 780 с.  
П. – *Пушкин А.С.* Евгений Онегин / С комм. Ю.М. Лотмана. – СПб: Искусство-СПБ, 2007. – 541 с.  
Г. – *Гюго В.* Собор Парижской Богоматери / Пер. с фр. Н.А. Коган. – М.: Известия, 1959. – 575 с.

#### Литература

1. *Темненко Г.М.* Случай и судьба как феномены немотивированной каузальности в мифическом и литературном дискурсах // Учён. зап. Тавр. нац. ун-та им. В.И. Вернадского. Сер. «Философия. Культурология. Политология. Социология». – 2012. – Т. 24, № 4. – С. 148–163.
2. *Севастьянов Б.А.* Курс теории вероятностей и математической статистики. – М.: Наука, 1982. – 255 с.
3. Читатель, текст и «внутренний мир» литературного произведения // Теория литературы: в 2 т. / Под ред. Н.Д. Тмарченко. – М.: Академия, 2004. – Т. 1. – С. 172–175.
4. *Гадамер Г.-Г.* Введение к *Истоку художественного творения* // Хайдеггер М. Работы и размышления разных лет / Пер. с нем. А.В. Михайлова. – М.: Гнозис, 1993. – С. 117–132.
5. *Ранчин А.М.* «Мысль семейная»: роман графа Л.Н. Толстого «Анна Каренина». – URL: <https://portal-slovo.ru/philology/41384.php>, свободный.

Поступила в редакцию  
26.11.17

---

**Саяпова Альбина Мазгаровна**, доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы

Казанский (Приволжский) федеральный университет  
ул. Кремлёвская, д. 18, г. Казань, 420008, Россия  
E-mail: [Albina.Sayarova@kpfu.ru](mailto:Albina.Sayarova@kpfu.ru)

**Закиров Алмаз Ильдарович**, документовед

Казанский (Приволжский) федеральный университет  
ул. Кремлёвская, д. 18, г. Казань, 420008, Россия  
E-mail: [AIZakirov@kpfu.ru](mailto:AIZakirov@kpfu.ru)



**Incidence as a Structure-Forming Principle  
of the Novel “Anna Karenina” by L.N. Tolstoy***A.M. Sayapova*<sup>\*</sup>, *A.I. Zakirov*<sup>\*\*</sup>*Kazan Federal University, Kazan, 420008 Russia*E-mail: *\*Albina.Sayapova@kpfu.ru, \*\*AIZakirov@kpfu.ru*

Received November 26, 2017

**Abstract**

This paper is aimed at revealing how incident, becoming an event in the life of main characters of the novel “Anna Karenina” by L.N. Tolstoy, determines the content of the novel and as such forms the structure of the literary work, its plotline, situations and collisions.

Based on the notion of “incident”, L.N. Tolstoy used the language of artistic philosophy to represent the deductive reasoning about human life, which shows and explains all phenomena within this life. Besides, this reasoning contains L.N. Tolstoy’s predictions and warnings about the future. The incident in L.N. Tolstoy’s work becomes not only an aesthetic category, but, first of all, a philosophical one, because it does not only explain the character’s nature, his behavior in certain situations. In L.N. Tolstoy’s work, incidence becomes a way of explaining the world.

The plot of the novel reveals that almost all the events in the life of the characters, if we try to explain and understand them, turn out to be incidental in the field of “probabilistic regularities”. This incidence in the life of L.N. Tolstoy’s characters represents human behavioral models in the so-called incidental events. L.N. Tolstoy’s novel offers the idea that incidental events influence the human destiny in some fatal way.

The artistic structure of the novel, including all the series of events, is determined by the “family idea”. The textual analysis of the notion of “incidence” as the structure-forming principle of the novel underlies both the general philosophical idea of the novel containing the “idea of family” and the artistic expression of it. The situations of incidental encounters within the one plotline (Anna – Vronskii) represent the destruction of traditional views on love, family, while the other one (Levin – Kity) reflects the primordial national views on human values.

**Keywords:** L.N. Tolstoy, “Anna Karenina”, notion of “incident”, structure of literary work

**References**

1. Temnenko G. M. Incident and fate as phenomena of an unmotivated causality in mythical and literary discourse. *Uchenye Zapiski Tavricheskogo Natsional'nogo Universiteta im. V.I. Vernadskogo. Seriya “Filosofiya. Kul'turologiya. Politologiya. Sotsiologiya”*, 2012, vol. 24, no. 4, pp. 148–163 (In Russian)
2. Sevastyanov B. A. *Kurs teorii veroyatnostei i matematicheskoi statistiki* [A Course in Probability Theory and Mathematical Statistics]. Moscow, Nauka, 1982. 255 p. (In Russian)
3. Reader, text, and “inner world” of a literary writing. In: Tamarchenko N.D. (Ed.) *Teoriya literatury* [Theory of Literature]. Vol. 1. Moscow, Akademiya, 2004, pp. 172–175. (In Russian)
4. Gadamer H.-G. Introduction to the “Source of Artistic Creation”. *Heidegger M. Raboty i razmyshleniya raznykh let* [Works and Thoughts from Different Years]. Moscow, Gnozis, 1993, pp. 117–132 (In Russian)

5. Ranchin A.M. "Family thought": L.N. Tolstoy's novel "Anna Karenina". Available at: <https://portal-slovo.ru/philology/41384.php>.
- 

⟨ **Для цитирования:** Саяпова А.М., Закиров А.И. Случай как структурообразующее начало в романе Л.Н. Толстого «Анна Каренина» // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2018. – Т. 160, кн. 1. – С. 7–16. ⟩

⟨ **For citation:** Sayapova A.M., Zakirov A.I. Incidence as a structure-forming principle of the novel "Anna Karenina" by L.N. Tolstoy. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2018, vol. 160, no. 1, pp. 7–16. (In Russian) ⟩